

Michał Jankowicz

Избранные вопросы перевода поэзии Марека Мариуша Тытко на русский язык (на материале сборника «Встреча с Иным»)

Religious and Sacred Poetry : An International Quarterly of Religion, Culture
and Education 2/4, 193-213

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

MICHAŁ JANKOWICZ (Vilnius, Lithuania)

E-mail: mjankowicz[at]gmail.com

Избранные вопросы перевода поэзии Марека Мариуша Тытко на русский язык (на материале сборника «Встреча с Иным»)

Предметом настоящей статьи является выявление и описание проблем перевода с польского на русский язык избранных стихотворений Марка Мариуша Тытко из сборника «Встреча с иным». Анализу подлежит перевод Александра Гордона в форме машинописи. Характеристика и анализ межъязыковых переводов поэзии является актуальным вопросом, который относительно редко исследуется. Акцент в статье делается на описание переводческих трансформаций, применённых в переводе А. Гордона на русский язык.

Сборник стихотворений «Встреча с другим» („Spotkanie innego”, Краков 1997), опубликованный на польском языке в 1997 году, переводился на чешский, украинский и русский языки. Первой была издана чешская версия сборника под названием „Setkání s Jiným” (Чехия, Опава, 2009) в переводе Либора Мартинека при сотрудничестве с Ежи Червинкой и Яном Витонем. В 2013 году сборник «Встреча с иным»¹ вышел в переводе Александра Гордона на украинский язык («Зустріч з іншим», Львов, 2013). Ещё не изданный перевод сборника на русский язык (машинопись) тоже принадлежит Александру Гордону.

Автор перевода Александр Гордон – экономист, поэт, прозаик, литературный критик, публицист, переводчик, популяризатор культуры Львова, преподаватель Университета *Львовская политехника*, член Национального союза писателей (с 2003 года заместитель главы Львовской организации Национального союза писателей Украины), главный редактор литературного журнала «Форма»². Его перу принадлежат стихотворения на украинском, польском и русском языках. Сборники собственной поэзии Александр Гордон публикует с 1990 года на украинском и польском языках. Во Львове

¹ Как вариант заглавия сборника переводчик, Александр Гордон, предлагает также «*Встречу с другим*».

² М. М. Тытко, *Встреча с иным*, перевод А. Гордона, Львов 2012, с. 124.

опубликовал 23 сборника поэзии, является редактором и автором поэтических антологий, редактором «Популярной энциклопедии Львова», «Львовских легенд» (том прозы издан на украинском и польском языках). Его стихотворения переводились на польский, английский и немецкий языки.

Александр Гордон перевёл с польского на украинский и русский языки сборники поэзии Богуслава Жураковского «Карловарские песни» (2003), Гражины Добренько «Никифор победитель» (2009), Эрика Островского «Фетиш» (2010), а также на украинский сборники Васлава Костжевы «Жажда», Гражины Добренько «Искусство жизни» (2006), Божены Бобы-Дыги «Писанный дождём» (2008, при сотрудничестве с Евгеном Бараном³). На украинский язык А Гордон переводил произведения Виславы Шимборской («Встреча с ландшафтом», «Морена»). В украинских журналах, в т. ч. «Курьер Кривбаса», «Форма[r]т», «Сова», «Калмиус», «Золотая пектораль», были опубликованы его переводы произведений Яна Каспровича, Чеслава Милоша, Збигнева Герберта, Богуслава Жураковского, Юзефа Барана, Эвы Липской, Анэты Келан и многих других современных польских поэтов. А. Гордон переводил стихотворения других поэтов, например Адама Загаевского, Эвы Сонненбэрг, а также некоторые знаковые произведения В.И. Гёте, Р.М. Рильке, П. Целана, П. Верлена, Г. Аполлинера, К. Кавафиса⁴.

1. Избранные проблемы перевода поэзии

Перевод поэзии является довольно сложной задачей для переводчика, а полученный результат переводческого труда в большой степени зависит от принятой им интерпретации стихотворения. Переводчик становится дополнительным звеном в процессе коммуникации между автором и читателем, и именно его интерпретация влияет на восприятие произведения реципиентом. В отличие от прозы, в стихотворении конструктивной единицей является частный мотив, выраженный, например, отдельным образом, а не полностью развитая мысль. Как замечает Иржи Левый, в стихотворении, кроме связи внутри предложения, наблюдаются еще другие членящие факторы, как граница стиха, рифмовка и другие формы параллелизма, что способствует усилению самостоятельной роли меньших отрывков и ослаблению функциональных связей внутри предложения⁵. Стихотворение отличается от прозы и своеобразием употребляемой лексики. В стихах чаще, чем в прозе, наблюдаются краткие слова и значительно реже длинные. Трудности перевода поэзии связаны также с тем, что «[...] одна и та же мысль требует

³ Ibidem, с. 124.

⁴ Ibidem, с. 124.

⁵ И. Левый, *Искусство перевода*, Издательство «Прогресс», Москва 1974, с. 239.

для выражения на разных языках всякий раз другого количества слогов. Различная семантическая насыщенность языка подлинника и перевода вынуждает переводчика к сокращениям или, наоборот, к «размыванию» – и то и другое не может влиять на общую трактовку стихотворения»⁶. Особую трудность для перевода представляет рифмованный стих. Стоит обратить внимание также на стиль стихотворения и его перевода. От переводчика требуется, чтобы они совпадали. Как констатирует Иржи Левый, «в современных стихотворных переводах обычно сохранены те черты подлинника, которые когда-то назывались внешними формальными признаками: строфическая композиция, порядок рифмовки и метрическая схема. [...] Ближе к оригинальной поэзии переводчика, чем к подлиннику, признаки внутренней формы, например, в области рифмовки – соотношение рифм грамматических и лексических, тенденции к смысловой отчётливости или неясности, к той или иной звуковой окраске [...]»⁷. Сравнение переводов из стилистически разных поэтов, выполненных одним лицом, позволяет установить, какие стилистические черты постоянны для переводчика, а какие меняются в зависимости от характера подлинника. В стихотворных произведениях выступает тесная связь между звуковой формой стиха и его содержанием. Однако фонетические средства сами по себе ничего не выражают и могут выразить только простые семантические контрасты. Иногда в процессе перевода теряется гармония формы и содержания из-за сдвига семантических возможностей какого-либо средства⁸.

Как замечает В.Н. Комиссаров, «различия в системах ИЯ и ПЯ и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной степени могут ограничивать возможности полного сохранения в переводе содержания оригинала. Поэтому переводческая эквивалентность может основываться на сохранении (и соответственно утрате) разных элементов смысла, содержащихся в оригинале»⁹. Затем В.Н. Комиссаров выделяет три типа эквивалентности¹⁰: 1) эквивалентность, в которой сохраняется только часть содержания, составляющая цель коммуникации; 2) эквивалентность, в которой общая часть содержания оригинала и перевода передает одинаковую цель коммуникации и отражает одну и ту же внеязыковую ситуацию; 3) эквивалентность, в которой отсутствует параллелизм лексического состава и синтаксической структуры, невозможно связать структуры оригинала и перевода отношениями синтаксической трансформации, сохраняется цель

⁶ Ibidem, с. 247.

⁷ Ibidem, с. 251.

⁸ Ibidem, с. 254.

⁹ В.Н. Комиссаров, *Теория перевода*, Высшая школа, Москва, 1990, с. 51.

¹⁰ Ibidem, с. 52-68.

коммуникации и идентификации ситуации, сохраняются общие понятия, описывающие ситуацию в ИТ. Широко используется второй тип эквивалентности.

В переводе любого текста важную роль играет достижение коммуникативного эффекта, определённой реакции со стороны реципиента. Переводчик располагает рядом приёмов, представляющих собой инструменты для разъяснения тех фрагментов текста оригинала, которые могли бы быть не поняты читателем. Совокупность этих приёмов, изменений, внесённых переводчиком в ИТ, составляет прагматическую адаптацию перевода. В результате адаптации в ПТ могут появиться пропуски, дополнения, перестановки, перенесения акцентов и т. д. Среди способов адаптации ИТ можно выделить следующие: добавление, опущение, генерализацию, конкретизацию, комментарии¹¹. То, в каком масштабе переводчик будет использовать эти приёмы, в значительной степени зависит от адресата ПТ. Если реципиент будет принадлежать к культурной среде, сильно отличающейся от той, в которой был написан ИТ, адаптация окажет более значимое влияние на ПТ, чем в случае близких друг другу культур. Текст перевода сборника «Встреча с другим» рассчитан на адресата, близкого по культурно-этническим признакам к реципиенту ИТ, принадлежащего культурной сфере христианской Европы, – славянина. Итак, адаптация ИТ может сводиться к минимуму, так как нет необходимости её применения, из-за отсутствия больших различий между адресатами ИТ и ПТ. Однако, как в процессе перевода любого текста, некоторые компоненты стихотворений из сборника «Встреча с иным» подвергаются переводческим трансформациям, межъязыковым перефразированиям, проявляющимся в морфологических, стилистических, синтаксических, семантических, лексических и грамматических изменениях. Морфологические трансформации состоят из замен данной части речи другой или несколькими частями речи; стилистические подразумевают преобразование стилистической окраски текста; синтаксические заключаются в перестройке конструкции высказываний; суть семантических – в перекодировании информации на семантическом уровне; лексические (отклонения от прямых словарных соответствий) обоснованы чаще всего несовпадением объёма значений лексических единиц ИЯ и ПЯ; грамматические – нормы ПЯ вызывают необходимость перестройки структуры предложения в процессе перевода. В сборнике «Встреча с иным» встречаются также трансформации смешанного типа. В процессе перевода стихотворений из сборника «Встреча с иным» необходимость применения переводческих трансформаций возникает довольно часто, поскольку компоненты текста выступают в необычных,

¹¹ Акаш Бадр Абдуллах, *Прагматический аспект перевода*, [в:] *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, МАКС Пресс, Москва 2009, Вып. 39, 136 с.

переносных значениях, применяются редкие грамматические конструкции, лексика является более изысканной, чем в прозе. Отсутствие знаков препинания в стихотворениях М. М. Тытко также осложняет процесс перевода, так как растёт количество возможных способов понимания, интерпретации ИТ, что может привести к потенциально разным вариантам перевода и, следуя этой цепи, различным интерпретациям отдельных вариантов ПТ.

На процесс перевода произведений М. М. Тытко оказывает влияние также особенность лексики его поэзии. В них наблюдаются философские термины, научная терминология, неологизмы, лексика, употребляемая достаточно редко. Далеко не каждый читатель обладает понятийным аппаратом, обеспечивающим полное понимание и интерпретацию рассматриваемых произведений, поэтому А. Гордон добавляет к переводу на русский язык (на украинский тоже) словарь (комментарии и объяснения), являющийся своеобразным 'путеводителем' при восприятии творчества М.М. Тытко, на которое оказали влияние различные философские течения, начиная с досократиков через философию Платона к неоплатонизму и к современной т. наз. философии диалога¹². Однако в указанном словаре объясняются лишь некоторые названия, термины, которые могут быть непонятны для реципиента. В словаре отсутствует, например, слово 'консцъентизм', требующие объяснения широкому читателю.

2. Перевод заглавия сборника

Стоит обратить внимание на два варианта заглавия сборника на русском языке, предлагаемые переводчиком – «Встреча с иным» и «Встреча с другим». В русском языке лексемы «иной» и «другой» являются близкими синонимами, однако отличаются друг от друга частотой употребления, стилистической окраской, количеством значений и семантических оттенков. Лексема «другой» в русском языке употребляется часто и в широких контекстах. В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова¹³ выделяется шесть значений слова «другой» и только три значения слова «иной»¹⁴. Семантический объём обоих слов отражается также в частоте их употребления. В базе Национального Корпуса Русского Языка (основной корпус) лексема «другой» во всех словоформах и значениях выступает примерно в 6 раз чаще

¹² М. М. Тытко, *Зустріч з іншим*, перевод А. Гордона, Львов 2013, с. 119.

¹³ *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д. Н. Ушакова, Астрель, Москва 2000.

¹⁴ В значении слова «иной» акцентируется различие между двумя объектами, лексема «другой» может обозначать объект равный, почти тождественный с данным.

лексемы «иной»¹⁵. Лексема «иной» имеет более книжный характер и в живой речи употребляется реже, чем слово «другой». В корпусе устной речи НКРЯ, включающем в себя расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов, лексема «другой» появляется почти в 13 раз чаще, чем слово «иной»¹⁶. В поэтическом языке соотношение частот употребления лексем «другой» и «иной» намного меньше. В корпусе поэтических текстов, включающем стихотворные произведения, лексема «другой» выступает только в 2 раза чаще, чем «иной», что показывает книжный характер слова «иной»¹⁷.

Русское существительное «встреча» и польское «spotkanie» в рассматриваемом значении отличаются друг от друга управлением. В польском языке наблюдаются два варианта управления лексемы – ‘spotkanie + предлог «z» + существительное в творительном падеже’ и ‘spotkanie + существительное в родительном падеже’. Конструкция ‘spotkanie + сущ. в родительном падеже’ обладает смысловым оттенком случайности, неожиданности, некой таинственности встречи с более неопределённым индивидом и является в какой-то степени «туманной» по своей семантике. Конструкция ‘spotkanie + предлог «z» + сущ. в творительном падеже’ лишена такого оттенка и ассоциируется скорее всего со встречей запланированной, с определённым персонажем, она более конкретна, избавлена от недосказанности. Русское существительное «встреча» в рассматриваемом значении имеет лишь один вариант управления – с предлогом ‘с’ и существительным в творительном падеже. В этом случае переводчик был вынужден применить грамматическую замену, поскольку существительное «встреча» в ПЯ не обладает двумя вариантами управления, как в ИЯ. Соответственно, теряется часть смысла заглавия сборника, так как ПЯ в случае этой конструкции не в состоянии передать полностью смысловое богатство ИЯ. Заглавие в языке оригинала является своеобразным сигналом для читателя, говорящим о том, что в сборнике он столкнётся с некой тайной, или, как предполагает Рышард Матушевски, обозначает встречу с отличающимся от автора читателем¹⁸.

¹⁵ В основном корпусе лексему «иной» во всех словоформах и значениях найдено в 16 320 документах, 73 557 вхождений, лексему «другой» во всех словоформах и значениях найдено в 42 885 документах, 447 033 вхождения. Режим доступа: www.uscoproga.ru (17.05.2014).

¹⁶ В корпусе устной речи НКРЯ лексему «иной» во всех словоформах и значениях – найдено в 617 документах, 1 398 вхождений, лексему «другой» во всех словоформах и значениях – найдено в 2 275 документах, 18 138 вхождений. Режим доступа: www.uscoproga.ru (17.05.2014).

¹⁷ В корпусе поэтических текстов НКРЯ лексему «иной» во всех словоформах и значениях – найдено в 3 301 документах, 4 542 вхождений, лексему «другой» во всех словоформах и значениях – найдено в 6 119 документах, 9 529 вхождений. Режим доступа: www.uscoproga.ru (17.05.2014).

¹⁸ М.М. Тытко, *Метафизические концерты* (Письмо Рышарда Матушевского Тытко), Краков 2000, с. 87.

3. Переводческие трансформации в переводе сборника «Встреча с иным»

3.1. Лексико-семантические трансформации

Существенным вопросом при анализе перевода произведений сборника «Встреча с иным» являются лексико-семантические трансформации, поскольку специфика стихотворений и различия между лексическими системами польского и русского языков вызывают необходимость их применения. Часть изменений не вытекает непосредственно из структуры языка или особенностей поэзии автора, а является проявлением индивидуальных признаков стиля переводчика.

Во многих стихотворениях М.М. Тытко наблюдается концентрация редко употребляемой **научной лексики**. Стихотворение «Сотворение мира» изобилует научными терминами из области физики, например, названия элементарных частиц (лептоны, адроны). Во фрагменте „siły [...] runęły w gróźnię od Boga [...]” → «силы [...] рунули в Божественную бездну [...]» в ПТ переводчик заменяет лексему ‘gróźnia’ (вакуум) лексемой ‘бездна’, более поэтической, но лишенной научного характера. В ИТ слово ‘gróźnia’ (вакуум) более подходит к научной стилистической окраске стихотворения. Интересен перевод неологизмов в произведениях М.М. Тытко. Заглавие стихотворения „Wnicośćwstąpienie”, образованное по аналогии к лексеме ‘wniebowstąpienie’ (вознесение), переведено как «Шаг к небытию». Заглавие в ПЯ звучит удачно и не теряет смысла подлинника. В этом месте стоит обратить внимание на **различия в подборке лексики** между ИТ и ПТ. Автор стихотворений чаще употребляет слова в их наиболее распространенных значениях (первых), а переводчик – в относительно редких значениях, зафиксированных в толковых словарях как очередные. Во фрагменте стихотворения «Бесконечность» „[...] czy czujesz¹⁹ światło [...]” → «[...] слышишь ли свет[...]» слово ‘слышишь’ в ПТ употребляется в значении ‘чувствуешь’ и слово ‘узнать’ в значении ‘испытать’ („[...] przyglądaj się || by uznać || blasku [...]” → «[...] присматривайся чтобы узнать || блеск [...]»).

Очередной нюанс касается различий между лексическими системами польского и русского языков. В этом месте стоит обратить внимание на проблемы семантического сдвига, безэквивалентной лексики и семантической асимметрии эквивалентов.

¹⁹ Русский глагол ‘слышать’ переводится на родной язык переводчика, украинский, как глагол ‘чути’, во 2 лице ед. ч. наст. врем. – ‘чуєш’, созвучный с польским ‘czujesz’ (инфинитив – ‘czuć’).

Семантический сдвиг лексем ПЯ по отношению к лексемам ИЯ (и наоборот) вызывает возникновение слов – **ложных друзей** (созвучные или похожие слова, имеющие другое значение или другой семантический оттенок, чем в ИЯ), например, шайтан- szatan (сатана). В произведениях «Разбивание зеркал» и «Лицо Другого или „Жёлтый Христос Ван Гога”» слово ‘szatan’ (сатана) переводится как шайтан, похожее по звучанию, но относящееся к исламской мифологии и обозначающее злого духа, дьявола. Ссылка на исламскую мифологию в ПТ удивляет, поскольку эсхатологическая поэзия М.М. Тытко создаётся на почве христианской религии. В стихотворении «Портрет неизвестного голландского художника» („Obraz malego mistrza holenderskiego”) во фрагменте „[...] skruszały kościotrup który był niewiastą [...]” в ПТ («[...] ветхий скелет бывшей невесты [...]») наблюдается употребление созвучных слов в ИЯ и ПЯ, имеющих другую семантику. В польском языке слово ‘niewiasta’ обозначает женщину и принадлежит высокому стилю. В русском языке существительное ‘невеста’ обозначает девушку, женщину, вступающую в брак или достигшую брачного возраста (неотъемлемым компонентом семантики является связь с браком). Сходство звуковой оболочки слов проявляется также в оригинале стихотворения «Письмо» („List”), в тексте которого повторяется слово ‘liść’ (лист), по звучанию близкое со словом ‘list’ (письмо). В русском языке эквиваленты этих лексем звучат по-разному (письмо - лист), что приводит к трудностям в переводе (невозможно в ПТ передать созвучие слов ИТ).

Безэквивалентная лексика, встречаемая в переводе А. Гордона, как правило, толкуется. В стихотворении „Ruiny na Kresach” («Руины на бывших восточных окраинах Польши») автор перевода применяет толкование названия Kresy [Wschodnie] – «бывшие восточные окраины Польши» несмотря на то, что в русском языке существует и употребляется название польского происхождения «Восточные Кресы». Формулировку, использованную переводчиком, можно понимать по-разному, так как в ней не говорится, какие именно территории имеются в виду. В этом случае можно бы применить оригинальное название в переводе (Восточные Кресы) и добавить краткое разъяснение в сносках или в словаре в конце сборника, поскольку русскоговорящий читатель может не обладать достаточным уровнем знаний в области истории Польши, чтобы без объяснений правильно воспринять текст.

Семантическая асимметрия эквивалентов в ПЯ вступает в права, когда совпадает только определённый компонент, часть значения или одно из значений. В рассматриваемых переводах тогда применяется **конкретизация** или **обобщение**. В стихотворении «Ожидание» („Oczekiwanie”) во фрагменте „[...] koncertuje ptak[...]” в ПТ («[...] распевает птица[...]») проявляется конкретизация, поскольку прямой эквивалент слова ‘koncertować’ –

‘концертировать’ в ПЯ не употребляется в указанном контексте. В стихотворении «Дворец огня» („Pałac ognia”) во фрагменте „[...] w bal świetlistych upiórów w czerwone (красные) balety[...]” в ПТ («[...] в бал светящихся упырей в алые балеты[...]»), поскольку алый цвет является оттенком красного. В стихотворении «Путешествие любимца» („Podróż oblubieńca”) во фрагменте „[...] brzmiał koncert || ogrodów ciszy [...]” в ПТ («[...] звучали мелодии || садов тишины [...]») слово ‘koncert’ (концерт) заменяется существительным ‘мелодия’. Пример обобщения можно найти в стихотворении «Танец Саломеи» („Taniec Salome”) во фрагменте „[...] dziewiczą wonią przycisza w tańcu ogień[...]” в ПТ («[...] из-за девичьих благоуханий умолкает стихия танца [...]»), где слово ‘огонь’ обобщается в ПЯ как ‘стихия’. Кроме того в указанном фрагменте наблюдается лексическая трансформация (‘przycisza’ → ‘умолкает’), так как слово ‘przycisza’ выступает в ИТ в переносном значении.

В рассматриваемых переводах стихотворений наблюдаются многочисленные лексико-семантические **замены**, не всегда вызванные различиями между лексическими системами ИЯ и ПЯ. В стихотворении «Руины на бывших восточных окраинах Польши» („Ruiny na Kresach”) во фрагменте „[...] lecz kim była ta || unosząca się ku komnatom || niewidzialne stopy [...]” в ПТ («[...] однако кем была эта || уносящаяся в комнаты || невидимые стопы[...]») замене подвергается предлог ‘k(u)’ (к(о)) → ‘в’, что меняет семантику высказывания, поскольку предлог ‘k(u)’ (к(о)), обозначает направление в сторону чего-н., а предлог ‘в’ направление куда-н. В стихотворении «Источник света» лексической замене подвергается фрагмент в „[...] ławica konstelacji [...]” → «[...] лавина созвездий[...]», поскольку слово лавина в ПЯ хорошо передает смысл оригинала и ассоциируется с движущей массой, нарастающим скапливанием чего-н. (образность). В стихотворении «Источник света» семантической замене подвергается фрагмент в „[...] jest entropią czy znakiem [...]” → «[...] бывает энтропией или знаком [...]». Слово ‘бывает’ в ПЯ указывает на неоднократность, непостоянность состояния, в ИТ слово ‘jest’ лишено такой семантики.

Лексико-семантической трансформации подвергается также заглавие стихотворения „Światło spotkania” → «Свет свидания», поскольку лексема ‘spotkanie’ (встреча) имеет более широкое значение, чем существительное ‘свидание’ обозначающее преимущественно условленную, заранее спланированную встречу. Во фрагменте того же произведения „[...] o światło twarzy innego [...]” (другого) → «[...] о свет лица чужого [...]» удачность замены лексем сомнительна, поскольку существительное ‘чужой’ имеет в ПЯ отрицательную семантику и в указанном примере не должно появиться, так как сочетается со ‘светом лица’, вызывающим позитивные ассоциации.

В стихотворении «Танец Саломеи» („Taniec Salome”) во фрагменте „[...] wyuzdana lilia namiętności || zarazliwie zepsuta[...]” в ПТ («[...] Высвобожд-

денная жемчужина страсти || затронутая порчей лилия \ болезненно испорченная[...]» обращает внимание слово ‘wyuzdana’, ассоциирующееся с распутством. Исползованная в ПТ лексема ‘высвобождённая’ лишена такого неодобрительного смыслового оттенка и накладывается на другую картину, другое представление. Слово можно было перевести как прямой словарный эквивалент – ‘разнузданная’. Перевод ‘затронутая порчей’ или ‘болезненно испорченная’ не передаёт сильного семантического оттенка опасности, связанной с тем, что её испорченность заразительна. В стихотворении «Портрет неизвестного голландского художника» („Obraz małego mistrza holenderskiego”) лексическая трансформация присутствует в заглавии, поскольку прилагательное ‘małego’ выступает здесь в переносном значении и в переводе не употребляется его прямой эквивалент. В стихотворении «Путешествие любимца» („Podróż oblubieńca”) во фрагменте „[...] modliłem się | przed lustrem || do naczynia jej arki [...]” в ПТ («[...] молился || перед зеркалом || к отражению его арки [...]»), использованное в переносном значении слово ‘naczynie’ заменяется в ПТ существительным ‘отражение’.

В некоторых фрагментах переводчик избегает прямых соответствий в ПЯ, хотя нет особых препятствий для их использования, например, „[...] milczysz w czeluściach wnętrza || zstał się do otchłani we mnie || do piekieł || podświadomości [...]” --> «[...] молчишь в челюстях утробы || приблизился к моей пропасти || к пеклу подсознания [...]».

В результате замен в ПТ появляются слова с тождественной или близкой ИТ семантикой, но обычно употребляемые в других контекстах, например, в стихотворении «Психопомпийон» „[...] zanurzysz się w ostateczny żywioł [...]” --> «[...] окунешься в последний элемент [...]». Слово ‘элемент’ в рассматриваемом значении чаще всего используется в контекстах, связанных с древнегреческой философией.

Лексические замены могут также являться художественными особенностями произведений. Своеобразной добавленной стоимостью перевода в стихотворении «Проклятый остров» является замена слов ‘cisza bezwzględna’ (абсолютная) --> ‘тишина безысходная’. Прилагательное ‘безысходный’ ассоциируется с неудачей, отчаянием, чувствами, которые вписываются в замысел и настроение произведения.

В стихотворении «Существование противоположностей» во фрагменте „[...] więc jaką miarą ze skończonego świata Cię pojąć? [...]” --> «[...] тогда какой же мерой уходящего мира Тебя понять? [...]» наблюдается лексико-синтаксическая трансформация, меняется синтаксическая структура текста и семантика слов (‘skończony’ – ‘уходящий’). В стихотворении «Разбивание зеркал» „[...] lecz ktoś przez ciemność tknął mnie pochwycił w czas odbić || bądź || dał światło – on przez wieki Milczące Lustro [...]” --> «[...] но кто-то сквозь темноту толкнул меня схватил позже освободил || будь || дал свет – Он сквозь

веки Молчащего Зеркала [...]» наблюдается замена глагола 'odbił' (отразил) словами 'позже освободил', пропуск слов 'w czasie' (во время). В приведённом фрагменте ИТ название 'Milczące Lustro' ('Молчащее Зеркало') принадлежит Ему (подразумеваем 'Богу') и стоит в именительном падеже, в ПТ название 'Молчащее Зеркало' стоит в родительном падеже и относится либо к 'векам', либо к 'свету'.

3.2. Стилистические трансформации

Стилистические трансформации в переводе поэзии М.М. Тытко происходят путём изменения нескольких компонентов текста. В результате ПТ приобретает другую стилистическую окраску. В стихотворении «Ожидание» („Oczekiwanie”) во фрагменте „[...] w porcie światło pali się latami || poświęty wiją się w kanale || w wodzie migoczą || promienie refleksów omiatają ciemność [...]” в ПТ («[...] порт сверкает светом фонарей || отблески отражаются в канале || мерцают в воде || по всему радиусу разгоняют тьму[...]»). В этом фрагменте меняется стилистическая окраска текста, слово 'сверкает' более поэтическое и принадлежит высшему стилю, чем слово 'pali się' (горит), и эта стилистическая трансформация является своеобразным добавленным качеством перевода, которая компенсирует понижение стиля по отношению к оригиналу в следующей строке (замена глагола 'вьются' глаголом 'отражаются'. Последняя строка перевода стихотворения «по всему радиусу разгоняют тьму» сильно изменена, более сжата по сравнению с оригиналом, в ней пропущено слово 'refleks' (в значении 'отблеск'). Вместо глагола 'omiatają' (обметают), выступающего в ИЯ в переносном значении (окружать, частично освещать), переводчик применил толкование 'по всему радиусу разгоняют'. В ИТ не появляются устойчивые словосочетания, свойственные русскому языку, которые составляют своеобразное добавленное качество перевода, поскольку представляют богатство ПЯ, например в стихотворении «Путешествие в царство идей» „[...] przed nocą [...]” (перед ночью) → «[...] на ночь глядя [...]»).

В результате переводческих трансформаций иногда меняется **стили- стическая окраска** текста. В стихотворении «Портрет неизвестного голландского художника» („Obraz małego mistrza holenderskiego”) во фрагменте „[...] podpalane brązy naczyń [...]” в ПТ («[...] обгоревшая бронзовая посуда [...]») лирический герой показывает образ более конкретный, не такой абстрактный и поэтический, как в ИЯ.

Переносное значение из ИТ может в ПТ выражаться прямо. В стихотворении «Танец Саломеи» („Taniec Salome”) во фрагменте „[...] król dla piękności zła [...]” в ПТ («[...] исполняя желание коварной женщины [...]») оригинальное переносное обозначение мотивации поступка заменяется прямым, но смысл

полностью сохраняется. В стихотворении «Путешествие любимца» („Podróż oblubieńca”) во фрагменте „[...] po tamtej stronie || istnienia [...]” в ПТ («[...] в потустороннем || мире [...]») поэтическая и переносная формулировка заменяется более прямой – ‘в потустороннем мире’, вследствие чего меняется стилистическая окраска строфы.

3.3. Морфологические и грамматические трансформации

Грамматические различия между польским и русским языками приводят к применению морфологических и грамматических трансформаций.

Множество разновидностей **причастий** в русском языке вызывает необходимость грамматических замен или даёт такую возможность. В стихотворении «Руины на бывших окраинах восточной Польши» („Ruiny na Kresach”) во фрагменте „[...] i schody trzeszcząc choć do sna spalone || ugiwały się pod ciężarem [...]” в ПТ («[...] и обгоревшая лестница скрипела || прогибаясь под тяжестью [...]») причастие trzeszcząc заменяется глаголом ‘скрипела’, глагол ‘ugiwały się’ причастием ‘прогибаясь’, а причастие ‘spalone’ действительном причастием прошедшего времени ‘обгоревшая’ (такая часть речи в польском языке отсутствует). В указанном фрагменте перевода стихотворения пропускается компонент ‘do sna [spalone]’, который можно бы перевести как ‘[сгоревшие] дотла’. Во фрагменте того же стихотворения «[...] byłem tu ptakiem który gniazdo uwił || widziałem ją i wiatr o niej szeptał[...]» в ПТ («[...] тогда я видел её как птица свившая гнездо || а ветер нашёптывал о ней [...]») опять встречается форма действительного причастия прошедшего времени ‘свившая’, отсутствующая в ИЯ. Кроме того, в ПТ используется конструкция ‘видел как птица’ (синтаксическая трансформация), и две соседние строки переводятся как целое (смещение глагола ‘видел’ между строками).

Для польского языка характерно относительно частое употребление **отглагольных существительных**, которые не свойственны русскому языку, что отражается в переводе, например, в произведении «Психопомпион» „[...] pełnię kwitnienia [...]” → «[...] в полнолунии цветёт [...]» существительное заменяется глаголом.

Отсутствие звательного падежа в русском языке вызывает трудности при переводе из польского, поскольку иногда сложно выразить обращение с помощью именительного падежа, например, „[...] krucha muszlo z perła w środku [...]” → «[...] хрупкая оболочка с жемчугом внутри [...]» («Психопомпион»).

Грамматические различия между ИЯ и ПЯ касаются также **порядка слов**, который в польском языке более свободный. Однако смысловой оттенок высказывания в польском языке меняется, когда вместо стандартного порядка прилагательное – существительное употребляем обратный, поскольку

во втором случае признак становится неотъемлемой частью объекта и является частью названия. Заглавие стихотворения „Wyspa przeklęta” переводится как «Проклятый остров», так как в русском языке порядок слов, примененный в ИТ, используется относительно редко, вследствие чего теряется некоторый смысловой оттенок, связанный с доминирующей ролью признака в названии.

Трансформации, связанные с различиями в управлении глаголов ИЯ и ПЯ, в рассматриваемых переводах применяются не в каждом случае. В стихотворении «Источник света» переводчик использует непривычную для русского языка конструкцию типа ‘есть + существительное в творительном падеже’ – «где начало причина || что есть сутью космоса[...]», вместо типичной – ‘есть + существительное в именительном падеже’. Используемая переводчиком конструкция является аналогичной по отношению к ИЯ: „gdzie początek przyczyna || co jest kosmosu istotą [...]”. Автор стихотворения не употребляет знаков препинания, что осложняет процесс перевода. Если бы первая фраза на ПЯ звучала «где начало причина || что есть суть космоса», читатель, скорее всего, воспринял бы её как две отдельных мысли и, таким образом, понял бы стихотворение иначе.

В морфологических трансформациях тот же смысл выражается в переводе с помощью других частей речи. В стихотворении «Дворец огня» („Pałac ognia”) во фрагменте „[...] teatr w pogorzelisko świata się zamienił[...]” в ПТ («[...] театр преобразился во вселенский костёр[...]») переводчик заменяет слово ‘pogorzelisko’ (пожарище) лексемой ‘костёр’ и вместо существительного в родительном падеже ‘świat’ (мир, свет) применяет прилагательное ‘вселенский’.

Во фрагменте стихотворения «Бесконечность» „[...] co nie do ujrzenia [...]” → «[...] что не должно быть увиденным [...]» вследствие лексико-морфологической трансформации исчезает возможность свободы интерпретации (в ИЯ фрагмент можно понимать двояко, как ‘что невозможно увидеть’ и ‘что не должно быть увиденным’). Итак, переводчик в своей интерпретации выбирает второй вариант. В результате исчезает возможность двоякой интерпретации, как и во фрагменте стихотворения «Знамение отличного» „[...] żyj || w cierpieniu objawia się ludzka istota [...]” → «[...] живи || в страдании рождается человек[...]», который в ИТ можно понимать по-разному: в ПТ и ‘в страдании проявляется человеческое существо’.

Когда в ИТ мысль, дающая возможность двоякой интерпретации, выражена с помощью многозначных слов, а в ПЯ невозможно подобрать многозначные эквиваленты, переводчик, согласно своей интерпретации, подбирает эквивалент для одного значения. Во фрагменте стихотворения «Психопомпийон» „[...] pełnię kwitnienia czas strącania pyłku w kielich [...]” → «[...] в полнолунии цветёт время стряхивает пыльцу в бокал [...]». В ИТ слово

‘pełnia’ может обозначать, как понял это переводчик, ‘полнолуние’ и ‘полноту’ [цветения], в ПТ второй вариант отсутствует.

Во фрагменте стихотворения «Существование противоположностей» „, nicósć [...] z Boga ma nieistnienie [...]” → «ничтожность [...] благодаря Богу существует [...]», хотя на первый взгляд семантика меняется, смысл является тождественным с ИТ, поскольку одна и та же ситуация описывается с другой стороны. Однако в ПТ можно заметить внутренний парадокс (ничтожность существует), который отсутствует в ИТ. Использование другого предлога в ПТ также оказывает влияние на смысл фрагмента, так как предлог ‘благодаря’ ассоциируется с положительной причиной, а предлог ‘z’ не обязательно. Иначе дело обстоит во фрагменте стихотворения «Свет свидания» „, [...] sławić wolność i oddech || gór o brzasku wydobyte z cienia [...]” → «[...] славить свободу и дыхание || гор с грохотом добытым из тени [...]», где переводчик заменяет компонент (во время рассвета) компонентом ‘с грохотом’, семантически не сходном с первичным (меняется смысл). В стихотворении «Бесконечность» во фрагменте „, [...] czy też stamtąd nie przebłyskuje nic [...]” → «[...] или оттуда ни проблеска [...]» наблюдается замена части речи в ПТ (глагол – существительное) при сохранении смысла.

3.4. Влияние трансформации на текст перевода

Переводческие трансформации в значительной степени влияют на ПТ. В их результате наблюдается, помимо других: другой порядок строк, другое количество строк, приобретение противоположного смысла, добавления и пропуски.

Другой порядок строк и слов в ПТ наблюдается, например, в первой строфе стихотворения «Портрет неизвестного голландского художника» („Portret małego mistrza holenderskiego”): „malarz || z farb materii || które w nicości gdzieś znalazł || stworzył obraz [...]” в ПТ («художник || где-то в небытии || нашёл природные краски || и написал ими портрет [...]»). Здесь сохраняется смысл строфы как единого целого. В переводе этой строфы применяется также конкретизация слова ‘obraz’ (картина) → ‘портрет’.

Другое количество строк в ПТ может появиться вследствие меньшего количества переносов, например, во фрагменте стихотворения «Бесконечность» „, [...] przyglądaj się || by uznać || blasku [...]” → «[...] присматривайся чтобы узнать || блеск [...]» в ИТ на одну строку больше (перенос).

Некоторые фрагменты ПТ приобретают смысл, противоположный ИТ, например, в стихотворении «Разбивание зеркал» „, [...] istnieje, co da się pomyśleć [...]” → «[...] существует, что невозможно себе представить [...]», а в произведении «Путешествие в царство идей» „, [...] mimo zdwojenia sił ||

na morzu || w ciszy || nie sposób płynąć [...]” --> «[...] несмотря на удвоение сил || на море || в тишине || не тяжело плыть [...]».

Добавления и пропуски, как правило, положительно влияют на стилистическую окраску ПТ. В стихотворении «Дворец огня» („Pałac ognia”) во фрагменте „[...] tańczące płomienie światła piruety [...]” в ПТ («[...] танцующие языки пламени пируэты света [...]») переводчик добавляет слово ‘языки’, что вызывает эффект конкретизации. В стихотворении «Танец Саломеи» („Taniec Salome”) во фрагменте „[...] aż opadł z niej welon || szklisty kwiat różanej kamacji[...]” в ПТ («[...] что упала фата || а под ней – стеклянный цветок пунцового лица[...]») добавляются слова ‘а под ней’, являющиеся своеобразным разъяснением. Иногда в одной строке наблюдается сразу и добавление, и пропуск, как в случае стихотворения «Портрет неизвестного голландского художника» („Obraz małego mistrza holenderskiego”) „[...] światła biel mrozi okna i wszystko zakrywa [...]” в ПТ («[...] морозная белизна оседает на окна скрывая весь мир за рисунком [...]»). В переводе пропускается слово ‘światło’ (свет) и добавляется своеобразное разъяснение ‘за рисунком’. Однако пропуск и добавление появляются здесь вследствие комбинированной трансформации, поскольку та же мысль выражается с помощью других частей речи, лексики, грамматической конструкции и синтаксических связей.

Текст перевода стихотворения, в некоторой степени, включает в себе интерпретацию подлинника. На основе различных интерпретаций оригинала переводчиком могут возникнуть варианты ПТ, как это наблюдается в сборнике «Встреча с иным». Для первой части сборника, „Światło zbawienia”, Александр Гордон предлагает перевод «Свет Спасения» и как варианты «Свет Избавления», «Спасительный Свет», «Избавляющий Свет». Первая версия перевода является самой точной с семантической точки зрения и хорошо отображает идею польского названия, в котором скорее свет «принадлежит» спасению, а не спасает «сам по себе», как можно бы это понимать в случае использования лексем «избавляющий» и «спасательный». Предлагаются также два варианта перевода заглавия третьей части сборника «Время Окончания» или «Конец Света» („Czas ostateczny”). В стихотворении «Дворец огня» („Pałac ognia”) во фрагменте „[...] lecz spłonął pałac ognia dreszcz stał się popiołem[...]” в ПТ («[...] когда сторел дворец огня дрожь превратила его в пепел \ дрожь стала пеплом [...]») переводчик предлагает два варианта перевода, отличающихся смыслом.

4. Выводы

Перевод сборника «Встреча с иным» Александром Гордоном отличается художественным мастерством и составляет неопределимый вклад в популяризацию эсхатологической поэзии среди русскоговорящих читателей.

Переводчик, будучи одновременно поэтом, сохраняет в ПТ смысл и идеи стихотворений М.М. Тытко и в полной мере использует возможности русского языка для их передачи. Применяемые А. Гордоном переводческие трансформации переносят поэзию М.М. Тытко на почву русского языка и лишь в небольшой степени влияют на изменения её интерпретации читателем. Различные трансформации, применяемые переводчиком, влияют на восприятие переводов стихотворений, однако необходимость их употребления вытекает из различий между системами ИЯ и ПЯ. Изменениям в процессе перевода подвергаются: стилистическая окраска, семантика, грамматические признаки, лексика, синтаксические структуры текста. Со стилистической точки зрения в переводе в большой степени сохранен стиль автора. Встречаемые в ИТ переносные высказывания в некоторых случаях в ПТ лишаются переносного смысла, приобретая прямой, что влияет на своеобразную потерю поэтического стиля отдельных отрывков стихотворений. Однако переводчик компенсирует потерю стиля отдельного отрывка при переводе других, соседних фрагментов (повышает стиль по отношению к оригиналу, прямое значение заменяет переносным). Итак, ПТ и ИТ стилистически равноценны, несмотря на различия в отдельных фрагментах. Переводчик обогащает ПТ также своим стилем (другой способ описания, выражение то же смысла с помощью других частей речи, применение своих метафор и т.п.), что составляет добавленное качество текста.

Ключевые слова:

эсхатологическая поэзия, русский язык, перевод поэзии, переводческие трансформации, Марек Мариуш Тытко (1967-), Олександр Гордон (1961-)

English title:

Selected Problems of the Translation of Marek Mariusz Tytko's Poetry into the Russian Language on the Basis of the Texts from the Volume of Poems "Meeting with the Other" ("Spotkanie Innego")

Abstract (Summary):

The aim of this article is to identify and describe the problems of translation from Polish into Russian of Marek Mariusz Tytko's selected poems from the volume of poetry "*Spotkanie innego*" [The Meeting with the Other] Olexander Gor-

don's translation, not yet published, is analyzed here. Description and analysis of cross-language translation of poetry are an interesting issue, which is relatively rarely researched.

The article focuses on the description of the transformation applied in Oleksander Gordon's translation into the Russian language. Olexandr Gordon's translation of the volume of poems "*Spotkanie imnego*" has considerable artistic value and contributes to the popularization of eschatological poetry among Russian-speaking readers. The translator, who is also a poet, conveys the meaning and ideas of Marek Mariusz Tytko's poems very well and makes use of the advantages presented by the Russian language to successfully transfer the content and style of this poetry into Russian and, eventually, the translated text does not introduce many changes in the range of interpretative possibilities of the original poems. Various transformations applied by translators influence the perception of the poems. The need to use the transformations is related to the differences between the systems of the Polish and Russian languages. The changes that take place during the translation process refer to the following aspects of the poetic text: stylistic colouring, semantics, grammatical features, vocabulary, syntactic structure of the text. The translation under discussion has preserved the author's style to a considerable degree. Metaphorical statements in some cases in the course of the translation process lose some of their metaphorical meaning, acquiring a directness that is conducive to the loss of style of some fragments of the poems. However, the translator compensates the loss of style in the fragments of the translation by providing other, neighboring fragments with metaphorical meaning. So the original version and translation have identical stylistic tinge, despite the differences in particular fragments. Moreover, the translator enriches the poems stylistically (choosing another way of describing things, expressing the same meaning by other parts of speech, using his own metaphors, etc.) that becomes an added value in the translated text.

Key words:

eschatological poetry, Russian language, poetry translation, translation transformation, Marek Mariusz Tytko (1967-), Oleksandr Gordon (1961-)

Tytuł polski / Polish title:

Wybrane problemy przekładu poezji Marka Mariusza Tytko na język rosyjski na podstawie materiału z tomiku „Spotkanie Innego”

Abstract (Streszczenie) po polsku / Abstract (Summary) in Polish:

Niniejszy artykuł stanowi próbę zidentyfikowania i opisanie problemów przekładu na język rosyjski wybranych wierszy Marka Mariusza Tytko z tomiku poezji pt. „*Spotkanie Imego*” (1997). W artykule opisane zostało jeszcze nieopublikowane tłumaczenie Oleksandra Gordona (maszynopis). Analiza i charakterystyka międzyjęzykowych przekładów poezji stanowi stosunkowo rzadko badane zagadnienie. W artykule zwraca się szczególną uwagę na opis tłumaczeniowych transformacji zastosowanych w przekładzie Oleksandra Gordona na język rosyjski.

Tłumaczenie tomiku wierszy „*Spotkanie innego*” w wykonaniu Oleksandra Gordona cechuje się znacznymi walorami artystycznymi i stanowi nieoceniony wkład w popularyzację poezji eschatologicznej wśród rosyjskojęzycznych czytelników. Tłumacz, będąc jednocześnie poetą, zachowuje sens i idee wierszy Marka Mariusza Tytko i właściwie wykorzystuje dla ich przekazania możliwości, jakie stwarza język rosyjski. Zastosowane przez Oleksandra Gordona tłumaczeniowe transformacje przenoszą poezję Marka Mariusza Tytko na grunt języka rosyjskiego i tylko w niewielkim stopniu wpływają na zmiany w możliwościach jej interpretacji przez czytelnika. Różnorakie transformacje, stosowane przez tłumacza, wpływają na odbiór przekładów, jednak konieczność ich użycia wynika z różnic między systemami języków oryginału i tłumaczenia. W procesie przekładu ulegają zmianom: zabarwienie stylistyczne, semantyka, cechy gramatyczne, leksyka, struktura syntaktyczna tekstu. W przekładzie w dużym stopniu został zachowany styl autora wierszy. Spotykane w oryginalnych wierszach wyrażenia przenośne w pewnych wypadkach w przekładzie tracą przenośny sens i przyjmują dosłowny, co wpływa na swoistą utratę poetycznego stylu pojedynczych fragmentów wierszy. Jednakże tłumacz kompensuje utratę stylu fragmentów wierszy podniesieniem stylu w innych, sąsiednich miejscach (znaczenie dosłowne zostaje zamienione przenośnym). W efekcie tłumaczenie staje się stylistycznie równocenne w stosunku do oryginału, pomimo różnic w stylistyce poszczególnych fragmentów. Tłumacz wzbogaca przekład wierszy również swoim stylem (innym sposobem opisu, wyrażeniem tego samego sensu za pomocą innych części mowy, zastosowaniem autorskich metafor itp.), co składa się na wartość dodaną tekstu.

Słowa kluczowe:

tłumaczenie poezji, język rosyjski, poezja eschatologiczna, transformacje tłumaczeniowe, Marek Mariusz Tytko (1967-), Oleksandr Gordon (1961-),

Литература / Bibliography in the Cyrillic Alphabet/ Bibliografia w cyrylicy:

Primary bibliographical sources / Bibliografia podmiotowa:

Тытко М.М., *Встреча с иным*, перевод А. Гордона, Львов 2012, сс.132 [машинопись].

Тытко М.М., *Зустріч з іншим*, перевод А. Гордона, Львов 2013, сс.124.

Тытко М.М., *Метафізическіе концерты*, Краков 2000, сс. 96.

Secondary bibliographical sources / Bibliografia przedmiotowa:

Акаш Бадр Абдуллах, *Прагматический аспект перевода*, [в:] *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*, М. отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, МАКС Пресс, Москва 2009, Вып. 39, сс. 136.

Брандес М.П., *Стиль и перевод*, «Высшая школа», Москва 1988, сс. 127.

Комиссаров В.Н., *Теория перевода*, «Высшая школа», Москва, 1990, сс. 253.

Левый И., *Искусство перевода*, Издательство «Прогресс», Москва 1974, сс. 397.

Нелобин Л.Л., *Толковый переводоведческий словарь*, Издательство «Флинта» «Наука», Москва 2009, сс. 318.

Толковый словарь русского языка по ред. Д. Н. Ушакова, «Астрель», Москва 2000.

Электронные источники / The Internet Website / Strona internetowa:

www.ruscorpora.ru [Access: 01.06.2014]

Bibliography in Latin Alphabet / Bibliografia w alfabecie łacińskim:

Tytko M.M., *Koncerty metafizyczne*, Kraków 2000, ss. 96.

Bibliography transliterated from the Cyrillic Alphabet into the Latin / Bibliografia transliterowana z cyrylicy do alfabetu łacińskiego:

Transliterated primary bibliographical sources / Transliterowana bibliografia podmiotowa:

Tytko M.M., *Vstreča s inym*, perevod A. Gordona, L'vov 2012, ss. 132 [mašinopis].

Tytko M.M., *Zustrič z inšim*, perevod A. Gordona, L'vov 2013, ss. 124.

Tytko M.M., *Metafizičeskie koncerty*, Krakov 2000, 96 s.

Transliterated secondary bibliographical sources / Transliterowana bibliografia przedmiotowa:

Akaš Badr Abdullah, *Pragmاتیčeskiј aspekt perevoda*, [v:] *Ázyk, soznanie, kommunikaciâ: Sb. statěj*, M. otv. red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov, MAKS Press, Moskva 2009, Vyp. 39, ss. 136.

- Brandes M.P.**, *Stil' i perevod*, «Vysšaâ škola», Moskva 1988, ss. 127.
Komissarov V.N., *Teoriâ perevoda*, « Vysšaâ škola», Moskva, 1990, ss. 253.
Levij L., *Iskusstvo perevoda*, Izdatel'stvo «Progress», Moskva 1974, ss. 397.
Nelûbin L.L., *Tolkovij perevodovedčeskij slovar'*, Izdatel'stvo «Flinta» «Nauka», Moskva 2009, ss. 318.
Tolkovij slovar' russkogo âzyka, po red. D.N. Ušakova, «Astrel'», Moskva 2000.

Использованные аббревиатуры:

ИЯ – исходный язык
ПЯ – переводящий язык

ИТ – исходный текст
ПТ – текст перевода

НКРЯ – Национальный Корпус Русского Языка

Information about the Author:

Information about the Author in English:

Michal Jankowicz has got a Master's degree in Economics and a B. A. in Russian Philology. He graduated in Spatial Economics from Cracow University of Economics (Cracow, Poland) in 2014 and in Russian Philology from the Pedagogical University in Cracow in 2013. At present he is studying for Master's degree in Russian Philology at the Lithuanian University of Educational Sciences (Vilnius, Lithuania). Scholarly interests: linguistics, technical aids in teaching process, Polish-Russian and Russian-Polish translation, Business Russian. E-mail: mjankowicz[at]gmail.com

Information about the Author in Polish:

Michal Jankowicz jest magistrem ekonomii oraz licencjuszem (bakalarzem) filologii rosyjskiej. Ukończył gospodarkę przestrzenną w Uniwersytecie Ekonomicznym w Krakowie (Polska) w 2014 roku i filologię rosyjską w Uniwersytecie Pedagogicznym imienia Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie (2013). Obecnie studiuje filologię rosyjską (studia magisterskie, na stopień magistra) w Lietuvos edukologijos universitetas [Litewskim Uniwersytecie Pedagogicznym] (Wilno, Litwa, 2014). Zainteresowania naukowe: językoznawstwo, środki techniczne [wsparcie techniczne] w procesie nauczania, polsko-rosyjskie i rosyjsko-polskie przekłady, język rosyjski w biznesie. E-mail: mjankowicz[at]gmail.com

Information about the Author in Czech:

Michal Jankowicz je magistrem ekonomie a bakalářem ruské filologie. V r. 2014 vystudoval prostorovou ekonomii na Ekonomické univerzitě v Krakově v Polsku a v r. 2013 ruskou filologii na Pedago-

gickém ústavu Národní vzdělávací komise v Krakově. V současnosti (od r. 2014) studuje ruskou filologii v magisterském studiu na Litevském pedagogickém ústavu (Lietuvos edukologijos universitetas) ve Vilniusu na Litvě. K jeho odborným zájmům patří jazykověda, didaktické pomůcky ve výuce, polsko-ruské a rusko-polské překlady, ruský jazyk v obchodě. E-mail: mjankowicz[at]gmail.com

[Český překlad: Libor Martinek]

Information about the Author in Slovak:

Michal Jankowicz je magistrom ekonómie a bakalárom ruskej filológie. V r. 2014 vyštudoval priestorovú ekonómiu na Ekonomickej univerzite v Krakove v Poľsku a v r. 2013 ruskú filológiu v Pedagogickom ústave Národnej vzdelávacej komisie v Krakove. V súčasnosti (od r. 2014) študuje ruskú filológiu v magisterskom štúdiu v Litevskom pedagogickom ústave (Lietuvos edukologijos universitetas) vo Vilniuse v Litve. K jeho odborným záujmom patrí jazykoveda, didaktické pomôcky vo vyučovaní, poľsko-ruské a rusko-poľské preklady, ruský jazyk v obchode. E-mail: mjankowicz[at]gmail.com

[Slovenský preklad: Ivica Hajdučeková]

Information about the Author in Russian:

Михал Янкович – магистр экономики, а также лицензиат (бакалавр) русской филологии. Закончил курс международной экономики в Экономическом Университете (Краков, Польша) в 2014 году и курс русской филологии в Педагогическом Университете имени Комиссии Народного Образования в Кракове (2013). В настоящее время изучает русскую филологию (магистерская программа) в Литовском Педагогическом Университете (Вильнюс, Литва, 2014). Научные интересы: языкознание, технические средства в процессе обучения, польско-русские и русско-польские переводы, русский язык в бизнесе. E-mail: mjankowicz[at]gmail.com

[Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук]

Information about the Author in Ukrainian:

Міхал Янкович – магістр економіки та ліценціат (бакалавр) російської філології. Закінчив студії міжнародної економіки у Краківському Економічному Університеті (Польща) у 2014 році та курс російської філології у Педагогічному Університеті імені Комісії Народної Освіти у Кракові (2013). Наразі вивчає російську філологію в магістратурі Литовського Педагогічного Університету (Вільнюс, Литва, 2014). Наукові зацікавлення: мовознавство, технічні засоби у процесі навчання, польсько-російські та російсько-польські переклади, російська мова в бізнесі. E-mail: mjankowicz[at]gmail.com

[Український переклад Надія Георгіївна Колошук]